DOI: 10.17805/zpu.2026.3.5

Изменения в коммуникативной роли техники

А. А. Воронин

Институт философии РАН

В статье проводится мысль о смене роли техники в жизни человека и общества, связанной с искусственным интеллектом и цифровизацией коммуникативных систем. Цель исследования — показать, что развитие техники следует рассматривать не как линейную эволюцию, а как язык общения между людьми, который изменяет формы взаимоотношений и ценностные ориентиры. Историческим контекстом этих изменений служит смена цивилизационных эпох, основанная на использовании «правеществ»: последовательно вначале вещества природы, затем — энергии, позже — информации. Техника трактуется как компонент культуры, точнее, как коммуникативная стратегия, обеспечивающая обмен деятельностью, ментальным содержанием, и социальные отношения. В связке «человек — техника» последней принадлежала роль объекта деятельности вплоть до нынешнего этапа оперирования био- и нейропроцессами, когда искусственный интеллект и основанная на нем техника приобретают принципиально новые, субъектные функции. На примере эволюции вооружений иллюстрируется постепенное изменение отношений субъектности — объектности человека и техники. Коммуникативный дуализм распался, появляется третье звено — цифросфера, одинаково принадлежащая и миру техники, и миру человека. В этой сфере обозначаются потенции, опасные для всей структуры тройственной коммуникации. Возникают проблемы контроля над ИИ, обеспечения прозрачности и подотчетности цифровых систем. Ставится проблема разработки метафизики цифровой эры, учитывающей гуманистические интересы и потребности человека, его ценностные, телеологические перспективы.

Ключевые слова: техника; коммуникация; человек; язык; вооружения; субъект; объект; цифра; искусственный и естественный интеллект; метафизика

ВВЕДЕНИЕ

Расхожая точка зрения, которую мне хотелось бы поставить под сомнение, состоит в том, что историю техники можно понимать, изображать и исследовать как смену одних технических средств другими, более прогрессивными. Мне ближе понимание техники не как противоположности культуры, а как ее части, выполняющей роль коммуникативного средства взаимодействия людей. Поэтому историю техники правильнее трактовать в контексте истории цивилизаций, обществ, культур, институтов. В современности техника все чаще перестает быть нейтральным инструментом и вступает в область социальных действий, культурной динамики и этики. Прямое сопоставление эпох техники как исторической линейной эволюции от «инструмента» к «партнеру» приводит к недоучету коммуникативной функции артефактов и их значения в формировании ценностей и социальных структур. Поэтому необходим целостный теоретический каркас для анализа таких процессов.

В ПРОШЛОМ

Если следовать моей позиции, изложенной в книге «Миф техники» (Воронин, 2006), история техники — это история человека, его культуры и способов взаимодействия между людьми. Вместо противопоставления техники человеку я стремлюсь раскрыть их единство. Я обосновываю точку зрения на технику как на коммуникативную стратегию, как на то, что является языком общения между людьми, но языком особым, не вербальным, а предметным, материальным, изготовленным людьми и совершенствуемым людьми. Собственной имманентной истории у техни-

ки нет и быть не может, поскольку она есть продукт рук человеческих. Три основные позиции, четко обозначенные в философии техники — естественно-научная[1], антропологическая[2] и социальная[3] — суть логические ходы к более полному пониманию техники как средства общения между людьми, или коммуникативной стратегии, пронизывающей всю историю человечества в сменяющих друг друга формах и видах.

Мне представляется правдоподобной классификация исторических эпох развития техники, связанная с типом так называемых правеществ, которые лежали в основе цивилизационных формаций (Воронин, 2020). Суть этой позиции в том, что последовательные переходы от обработки вещества природы к использованию энергии, производству информации и исследованию биологических нейронных ансамблей являются основой изменений типов цивилизации, соответственно меняются социальные связи, техническая среда, сознание и мышление, типы культуры (Воронин, 2018).

Исторически первый тип общества вырос из преобразований веществ природы или просто Вещества. Человек создал технику, которую можно назвать Техника 1. Она дала ему свободу взаимодействия с материальным миром на основе опыта и здравого смысла, без использования научных знаний. Исходные ментальные структуры формировались в круге, очерченном Веществом: тяжелое и легкое, опасное и спокойное, горячее и холодное, близкое и далекое и многое другое в головы людей попадало из оперирования Веществом. Социальность была определена типом использования Вещества и соответствующим типом хозяйства. Социальные организмы росли в полном соответствии с природными установлениями. Более того, Л. Мамфорд убеждает нас в том, что и люди начинают рассматриваться в древних империях как вещественный материал, из которого строятся мегамашины древних царств (Мамфорд, 2001). Техника рождается как изобретательное использование природных свойств вещества, исподволь готовя почву для радикального поворота — преобразования одних свойств в другие. Строительство, судоходство, сельское хозяйство, а также другие отрасли достигли высоких уровней искусства в обращении с природными материалами. Обмен веществами между человеком и природой и между людьми, *основанный на наглядных причинных связях, сформировал классический тип мышления*. Экспансия человека осуществлялась в кругу реальной, зримой природы, границы которой совпадали с границами антропной, чувственной данности.

Следующая эпоха связана с освоением энергии. Между исходным материалом и конечным продуктом появляется инженерная техника — Техника 2, которая преобразует одну субстанцию в другую, особенно в части получения, хранения и использования энергии. Место алхимии, управлявшей веществами через души элементов, заняла экспериментальная наука. Переход от Вещества к Энергии связан с каменным углем. Это вещество обладает одним важным качеством: уголь может служить источником энергии. Рывок от манипуляций с веществом к овладению тайнами производства, хранения и использования энергии вывел человека далеко за пределы простого чувственного восприятия, появлению инженерной Техники 2. *Суть этой техники — в преобразовании одной субстанции в другую:* тепла — в движение, движения — в электричество, электричества — в свет, силу, коммуникацию и многое другое. Самое главное преобразование — то, которое позволило получать, сохранять и использовать энергию. *Новая субстанция — энергия опре-*

делила и новые степени свободы, новые методы наук и новые правила мышления. Классический тип мышления сменился на неклассический (Воронин, 2018).

Современная эпоха характеризуется преобразованием информации. Информация, основа нынешней культуры, производства и мышления, перешагивает пороги строгости, локализации, определенности и детерминизма. Обмен информацией между человеком и природой и между людьми носит уже принципиально иной характер. Секреты природы раскрываются не фиксацией, экспериментом и интерпретацией, а вычислением, моделированием, конструированием. Описанием информационных событий становятся вероятностные и синергетические языки. Информационная революция создала глобальные сети и онтологию виртуальной реальности, в которой человек обустраивается, — это «третья природа» — виртуальный мир. Открытия, такие как нанотехнологии, 3D-принтеры и редактирование генома, являются движущей силой современной Техники 3.

Каждая новая фаза развития техники приводит к значительным социальным изменениям. Сейчас, в отличие от предыдущих эпох, когда техника служила посредником между людьми и не обладала субъектностью, она приобретает новые социальные функции и становится активным участником общественной жизни. Этот фундаментальный переход еще только предстоит осмыслить во всех его компонентах и последствиях.

СЕГОДНЯ

В работах немецкого философа Э. Каппа была высказана идея о том, что техника — продолжение функций человеческого организма (Kapp, 1887). Его мысль можно применить и к современной технике — искусственный интеллект есть продолжение функций человеческого мозга. Вопрос состоит в том, является ли ИИ новым агрегатным состоянием интеллекта. Он существует вне мозга, вне головы, вне тела. Но не вне культуры, социальных, природных и технических компонент. Отличие от естественного интеллекта специалисты усматривают в отсутствии свободы у ИИ, поскольку он базируется на алгоритмах, а не на интуитивных поисках и открытиях. Поэтому ИИ способен на комбинаторику знаний, но не на открытие нового (принципиально нового) (Войцехович, 2024: 60). Во всяком случае, ИИ есть, во-первых, техника (или технология работы с идеальными предметами), во-вторых, аналог человеческого мышления, рассудка. «Современные системы ИИ оснащены функциями взаимодействия с человеком, и, вне всякого сомнения, такие человекоподобные системы будут применяться в повседневной жизни все больше и больше» (Георгиу, 2022: 72).

Несмотря на существенное отличие ИИ от техники предыдущих исторических эпох, он не перестает быть коммуникативным средством общения людей. В этом качестве техника впервые в истории человечества становится активным участником исторического процесса. Похожие схематизмы исторического процесса можно встретить в литературе. Например, А. С. Ильин выделяет четыре исторические трансформации: 1) инструментальная, 2) промышленная, 3) транспортная, 4) интернет-революция (Ильин, 2025: 244). И наконец, нынешняя, персонологическая революция, когда свойства субъекта деятельности приобретают технические системы (там же: 247). А. С. Ильин делает вывод: «Возникает необходимость в новой философской антропологии, которая могла бы определить специфически человеческое не через противопоставление природе или технике, но через понимание

человека как существа, находящегося в динамическом со-творческом отношении с создаваемыми им технологиями». Автор усматривает два принципиально различных пути. Первый — путь технологического детерминизма, признание неизбежности замены человека более совершенными формами искусственного интеллекта. Второй — путь нового гуманизма, утверждающего неустранимую ценность человеческой субъектности именно в ее несовершенстве, конечности, способности к ошибке и иррациональному выбору (там же: 248). Мы еще вернемся к проблеме философского осмысления ИИ-революции, а пока продолжим мысль об исторических предпосылках эволюции субъектности.

В периодизации истории и попытках выявить какие-то схематизмы в данном случае важно видеть изменения во взаимоотношениях человека и его создания — техники, которые привели к метаморфозам субъектности. Попробуем пояснить это на примере исторических этапов развития вооружений. История техники тесно связана с историей оружия. Поскольку техника изначально была и продолжает развиваться как инструмент господства человека над природной и социальной средой, вооружения часто шли в авангарде технического прогресса. Умножать жизнь и уничтожать жизнь — такова служба техники при дворе человека. Причем умножать жизнь для того, чтобы ее же потом и уничтожать, удовлетворяя свои потребности во власти, насилии, унижении и истреблении ближних. Взяв в руки камень для убийства, человек победил своего собрата, у которого камня в руках не оказалось. Соорудив дубину, человек смог вступить в бой с несколькими врагами. Вооружившись луком, стрелок подчинил себе пространство, он мог стрелять на расстоянии, ничем не рискуя. Давид убил Голиафа пращой. Железный век дал людям меч, кинжал, латы и кольчугу. История оружия начиналась как история жестокости, и вовсе не орудия убийств были мотором этой истории. Ее мотором был человек, сообщества людей и их сознание, их отношения друг с другом, их нравы, боги, святыни и имущественные интересы. Власть обеспечивала самые насущные потребности обществ, производивших изобилие средств жизни, — распределение жизненных благ, защиту поселений, общение с богами, производство культуры, языка, идентичности. Но власть порождала и величие, жадность, зависть, амбиции и прочие пороки. Вот откуда следовали заказы на все новые и новые средства снискания власти — на технику войны и насилия.

Железный век перестроил общество, выдвинул новые иерархии, порядки, богов, очаги расселения, хозяйство, пищу, жилища и многое другое. Железо и рыцарское достоинство оказались родными братьями-сестрами, и их родство было прервано только изобретением пороха. Энергия стала оружием. Тут же погибли рыцарские кодексы чести, тут же войны из контактных сражений превратились в ружейные и пушечные дуэли, сделав убийство более удобным и массовым. Война перестала быть полем брани героев и превратилась в столкновение масс безликих пехотинцев (или всадников). И вождь, некогда шедший впереди войска в бой, стал руководить битвой из безопасного места на холме. Позднее холм превратился в крепость, крепость — в замок, замок — в фортификационный комплекс со рвами, флешами, засеками и т. д. Искусство войны трансформировалось в искусство управления и политики, стало организатором новых сообществ людей. Наполеону приписывают такую сентенцию: один мамлюк легко справится с одним французом, десять мамлюков едва ли одолеют десяток французов, а сто французов наголову разгромят сотню мамлюков. Цена победы стала неизмеримо выше, так же, как и цена пораже-

ния. Запрос на орудия все более и более эффективного уничтожения больших масс людей стал настоятельным и исполнимым. Техника наступления тут же вызвала технику обороны. Война превратилась в постоянную заботу сообществ, породив особую касту людей, ничем, кроме войны, не занятых. Парадоксально, но именно военные были самой привилегированной частью общества, и не только потому, что носили оружие. Война служила цивилизационным фактором — это была мера, выравнивающая воюющие стороны в оружии, умениях, науках, медицине... Корпускулярные государства раскрывались для соседей именно во время военных действий, и кто не успевал идти в ногу с прогрессом, тот был разбит.

Замена кавалерии на танки привела к тому, что жертвами войн стали не только военные, солдаты, офицеры. Танки давят все живое на пути. Из танка не видно и не слышно смерти — ничьей. С самолета — тоже. Земля горит под ногами врага, но сжигает и «своих». Земля уходит под воду, когда затапливаются территории, по которым может пройти враг, — вместе со «своими». Города минируются перед отступлением — целые города, с гражданскими, с музеями, библиотеками... Военные действия направлены не только на уничтожение вражеской армии, но и на уничтожение населенных территорий — городов, деревень, поселков, хуторов. Хлеба, воды, тепла, медицины. Техника, которая служит всему этому, отвечает заказу бить без разбора и убивать как можно больше. Неважно кого. Сегодняшнее оружие не просто смертоносно и неразборчиво — оно полностью совпадает с доминантами беспредельного господства. Техника виновата? Она же служит? Логика развития, история изобретений, последовательность технологий, открытия дьявольских сил природы? Да нет. Повторю еще раз: техника — это язык, на котором разговаривают люди.

В самом конце XIX в. М. А. Энгельгардт опубликовал книгу «Прогресс как эволюция жестокости», в которой привел многочисленные исторические примеры того, что технический прогресс и эволюция человека вели отнюдь не к смягчению нравов, а к нарастающей жестокости (Энгельгардт, 1899). И хотя он считал, что к концу XVI в. эта тенденция постепенно ослабевает, последующие события XX в. подтвердили основную посылку — жестокость в войнах, в орудиях и в замыслах людей только возрастала.

С тех пор прошло 100 с лишним лет. Военная техника стала настолько совершенной, что готова уничтожить все живое на Земле. Она представляет угрозу всему, в том числе и самой себе: уничтожив человека, техника лишится и своего хозяина, своего конструктора, своего командира. Казалось бы, достигнутый предел возможности уничтожения сделает бессмысленным саму идею, саму мысль о войне, о военном способе общаться друг с другом. Более полувека здравая мысль о неприемлемой возможности взаимного уничтожения как-то сдерживала политиков и военных от полномасштабных столкновений. Войны допустимы, но там, на нижнем этаже, где нет угрозы массового поражения, где у «холопов чубы трещат», а «паны» свысока наблюдают за локальными конфликтами. Ядерные державы сдерживают мир не от войн, насилия, агрессии и жестокости, а от неприемлемой угрозы самим себе, своему могуществу и благополучию. И вот это время миновало. Ядерные державы всерьез примеряются к вооруженным конфликтам ниже порога взаимных ядерных ударов, вполне допуская при этом использование тактических, т. е. «слабых», ядерных ударов. Техника опять идет впереди, опережая всего на один шаг словесные разборки политиков. Она готова, она уже изобретена, из-

готовлена и поступила в армии. Осталось намного подождать... Так что же, она сама себя изобретает, производит и применяет? Приблизительно так же обстоят дела и с историей техники передвижения — от примитивных открытий колеса и паруса к космической и воздушной летательной технике — запрос на изобретение всегда связан с социальной потребностью в ней. Медицинская техника диагностики и лечения ближе к индивидуальному запросу, но многократно умноженному в силу массовости заболеваний.

Формализация отношений между людьми, отчуждение, ритуализация жизни, массовые реакции на массовые события подготовили почву для почти полной передачи «человеческого, слишком человеческого» оцифрованным алгоритмам искусственного интеллекта, который лучше нас с вами воспроизводит стандартные решения стандартных задач. Разговоры о «субъектности» человека, о его конструктивности, ответственности, автономии постепенно теряют смысл, поскольку выясняется, что, передав «машине» (ИИ) «часть» своего существования, у людей ничего не остается, поскольку они были пусты уже задолго до акта передачи. Они готовы без оглядки и без рассуждений следовать любым командам, от кого бы они ни исходили: от естественного или искусственного интеллекта или вообще не от интеллекта, а от иных инстанций, лишь бы таковая инстанция обнаружилась и была убедительной. Прежние отношения человека и техники перевернулись. Слегка утрируя, можно сказать: субъектностью обладает теперь не человек, а техника, она диктует человеку и образ мыслей, и образ жизни, и образ самого человека. Только это уже совсем не та техника, которая терпеливо ждала в цеху или в поле своего оператора, чтобы начать работать. Эта техника сама себя включает, сама работает, корректирует свои движения, учится на своих ошибках, а в случае необходимости приглашает человека что-то исправить. Эта техника сочиняет музыку, пишет стихи и переводит с языка на язык.

ЗАВТРА

Вот в чем состоит глобальный поворот современности. Человек опять стоит рядом с техникой, только уже не как господин, а как партнер. Техника, технологии остаются посредниками между общающимися людьми, но роли акторов в этом общении радикально изменились. Если письмо, стрела или пуля были обращением одних людей к другим без посредничества искусственных интеллектуальных систем, то сегодня коммуникации в производстве, культуре, медицине, войне и в быту немыслимы без «цифры», без поддержки стремительно развивающихся систем ИИ. И если кто-то программирует, производит и разрабатывает продвинутые «математики» для ИИ, то основная часть пользователей уже подчинена «цифре», ИИ, включена в виртуальную реальность в качестве потребителей. Вслед симбиозу науки и техники в феномене технонауки формируется симбиоз техники и человека в нечто подобное техночеловеку — в этом проявляется коэволюция человека и техники.

Речь идет всего лишь об описании тренда. Естественным продолжением его в будущее является полное вытеснение человека из этого взаимодействия. Все это понимают, и все ломают головы, как остановить логику истории, логику, согласно которой человек в скором времени станет подчиненным существом и уже даже не партнером. История раздвоилась — история человека отделяется от истории техники. Напомню, что техника была языком, на котором общаются люди, но теперь

структура этого общения усложняется. Техника начинает общаться сама с собой, не без участия человека, но с более высоким коэффициентом автономии. Коммуникативный дуализм распался, появляется третье звено — цифросфера, одинаково принадлежащая и миру техники, и миру человека. В этой сфере, изначально рукотворной, гнездятся потенции, не просто не предусмотренные создателями, но и опасные для всей структуры тройственной коммуникации.

Как этого избежать? Две группы аргументов. Этого не произойдет, поскольку машина без человека не сможет занять лидирующее положение, — это первая позиция. Вещественный, материальный компонент — кварц — не производит свободы и интуиции. И вторая — мы, люди, такие умные, что просто не допустим такого развития событий. У нас всегда будет способ поставить барьер на пути опасного саморазвития ИИ. Ни тот, ни другой аргумент не кажется убедительным. Первый аргумент пока еще сохраняет свою силу, до тех пор пока элементная база компьютеров не будет основана на биопроцессорах. А второй — опровергается, к сожалению, тем обстоятельством, что все, что может быть изобретено и сделано, изобретается, делается и находит пользователя. Человеческая любознательность и возможный барыш — непобедимая связка мотиваций, преодолевающая любые разумные доводы о том, что стоит остановиться, пока не поздно.

Проблема наделения ИИ моральными или просто нормативными тормозами сталкивается с опасностью наделения ИИ свойствами естественного интеллекта (ЕИ). Ведь если бы ИИ был бы похож на людей, тогда и впрямь был бы ужас — зависть, жадность, эгоизм, соперничество, интриги, да мало ли у людей пороков? Больше, чем добродетелей! Как справедливо отмечает А. Г. Игнатьев, «внедрение… неких “универсальных” и якобы “человекоподобных”, автономно действующих ИМА (искусственный моральный агент. — *А. В.*) (вне контроля со стороны человека) в мультифункциональные цифровые экосистемы, которые будут влиять на сферу управления, социальную политику государственных институтов, на развитие медиапространства и СМИ, на формирование “молодых умов” в образовательных процессах, на работу телемедицинских систем и т. п., представляется безответственным и незрелым решением» (Игнатьев, 2024: 92). У людей интеллект смешан с эмоциями, страстями, сиюминутными состояниями и соображениями. Естественный интеллект неотделим от них, от личного опыта целостной личности. За словами стоят личные или коллективные интересы. Или «ценности», с точки зрения ИИ, абсолютно необоснованные предпочтения и приоритеты. ЕИ озабочен не столько делом, сколько собственным комфортом, сохранением в неизменности и снисканием все новых и новых ресурсов для себя. По сути, ЕИ очень эгоистичен. И при этом всегда любит приврать и обмануть публику, когда ему это удается и не предвидится наказаний за интеллектуальное шулерство.

В каком-то смысле отношения человека и техники вернулись к исторически пройденному этапу. Напомню свой основной тезис: техника есть средство общения людей. Когда самыми главными в жизни людей были боги, тогда и общение людей шло опосредованным образом через богов. Гигантские постройки прошлого — пирамиды, храмы, выбитые из цельных скал или гор, истуканы острова Пасхи, памятники культуры майя, Стоунхедж, даже наш Соловецкий монастырь, сложенный из исполинских валунов, и многие другие задавали масштаб представлений древних народов о силе, о мощи, о святости своих небесных покровителей. В русских селах деревянные домишки, тесные, убогие, невзрачные, соседствуют с бело-

каменными хоромами с позолоченными маковками и фантастическими росписями храмов, в которых никто, кроме Бога и его приближенных, не живет. То есть люди шли на сознательную аскезу ради высшего, святого, сильного, чтобы под его крылом примоститься кое-как со своей грешной и непритязательной жизнью. И этот компромисс, это разделение и согласование уделов жизни держало социумы в течение многих веков.

Сегодня перед человеком опять возникла сила, превосходящая его многократно и безоговорочно, — ее величество Цифра. Ее потенции безграничны, ее динамика головокружительна, ее перспективы и заманчивы, и чреваты катастрофами. Она бог современности. Люди давно уже общаются друг с другом через посредство цифровых технологий, так же как древние люди проживали в Боге и общались через него. Цифре принадлежит такая же огромная роль в современности, как и богам в прошлом. Адам Гринфилд (Гринфилд, 2018) ярко показывает, насколько современный человек зависит от цифровых гаджетов. Но отношение к цифре — отнюдь не религиозное, скорее даже инструментальное, утилитарное, чем сакральное. Многие специалисты и еще больше неспециалисты размышляют над тем, как взаимодействуют люди и цифровые технологии, что происходит и будет происходить в их совместной жизни. Например, как скажутся депривatизация и десубъективизация на самочувствии человека, на его личности? Не станет ли ИИ ограничивать автономию и ответственность человека? Насколько возможен контроль над ИИ, как обеспечить прозрачность и подотчетность цифровых систем? Но не менее важно, а может быть, и важнее — продумать ценностные, телеологические перспективы, попытаться построить смысловое пространство, лежащее за инструментальным отношением к цифре, построить «четвертый мир», если воспользоваться образом К. Поппера, или метафизику Цифры, которая одновременно будет и метафизикой Человека.

Будет ли это возвращением к уже изрядно дискредитированной идее природы человека, или построением какой-то новой иерархии существ, распоряжающихся жизнью, или тотальными запретами на инновации — все зависит от того, как сложатся отношения между самими людьми, какой язык общения они выберут и признают общим, какие приоритеты возобладают в их исторических деяниях.

Одна из таких попыток предпринята А. С. Ильиным. Он также основывает свои рассуждения на исторической схематизации, что позволяет выявить основной тренд эволюции техники. О ней шла речь выше. Но выводом из этой схематизации стала идея нового смыслового пространства, возникшего вместе с ИИ: «Постчеловеческая персонология представляет собой философский проект переосмысления оснований субъектности в условиях, когда традиционные границы между человеческим и нечеловеческим, естественным и искусственным, индивидуальным и коллективным становятся проницаемыми. <…> — Реляционная онтология. Личность понимается не как субстанция, но как узел отношений, которые могут включать не только других людей, но и технологические системы, природные объекты, символические структуры. <…> — Процессуальность. Личность — не данность, но непрерывный процесс становления. Взаимодействие с ИИ может быть понято как новый вектор персонального становления, открывающий неизвестные ранее возможности самореализации. — Трансцендирование без утраты личностного ядра. Целостность бытия достигается не через отказ от индивидуальности, но через ее предельную реализацию. — Этическая первичность. Сохраняется примат этического отно-

шения — ответственности перед Другим, которым теперь может быть и искусственный агент… — Смысловая креативность. Человеческое определяется не через набор способностей (которые могут быть воспроизведены), но через способность создавать новые смыслы, открывать неизвестные измерения бытия. ИИ может быть инструментом такого открытия» (Ильин, 2025: 243). Программа намечена довольно обширная, остается добавить к ней несколько важных тематизаций.

Телеология Цифры — проблема возникновения целей: возможны ли выработка и преследование целей в самом ИИ и насколько такие процедуры могут контролироваться? Как вообще определить предел, за которым самостоятельность ИИ угрожает человеку, превращая ИИ в автономный и самодостаточный механизм принятия решений и действий?

Отношения с человеком — телом, организмом, психикой, ментальностью, человеком как социальным существом, человеком как творцом. Конструирование тела благодаря биотехнологиям, выращиванию и пересадке тканей, редактированию генома, нейрофизиологическим вмешательствам уже сами по себе настолько радикальны, что вызывают настороженность со стороны консервативно настроенных кругов. Что уж говорить о проектах ментального и этического улучшения человека, коррекции психики, потери субъектной идентичности и конкуренции со стороны ИИ в творческих видах деятельности… Киборги как ступень развития симбиоза человека и техники будут обладать свойствами и человека, и технических устройств. Как это может сказаться на социальном устройстве? Насколько они будут недосягаемы для «обычных» людей в общественном организме и в важнейших сферах жизнедеятельности?

Отношения с миром ментальных предметов — познание, управление, эстетика, ценности. Если ИИ — это оперирование информацией, то как скажутся в его действиях такие разные роды идеальных предметов, как эстетические артефакты, ценностные суждения, управленческие решения, правовые и этические нормы? Если ИИ выгодно продает картины собственного производства, то каковы судьбы массового искусства и его творцов? Может быть, мы узнаем о победах и свершениях ИИ в производстве знаний и артефактов уже постфактум, безо всяких предварительных команд и запросов? Такое впечатление, что осмысление взаимоотношений людей с ИИ отстает от темпов развития последнего[4], поэтому очень важны опережающие концепции об управлении Цифрой и элиминации рисков, с ней связанных.

И наконец, тема угроз и рисков, которая активно обсуждается на всех уровнях научных и ненаучных дискуссий должна постоянно присутствовать в зоне внимания, поскольку динамика роста и развития ИИ несопоставима с неповоротливостью институтов социального контроля. Это становится наглядным при знакомстве с концепцией общества 5.0. Ее авторами считаются Норицугу Уэмура (Уэмура, 2017) и А. И. Агеев (Агеев, 2021). Российские авторы комментируют их позицию следующим образом: «…они описывают ключевые параметры общества, которое должно возникнуть после информационного общества. Выделяется шесть признаков общества 5.0: равенство цифрового и реального мира, возможность создания своего комбинированного мира для каждого члена общества, снижение зависимости человека от человека, превалирование цифровых коллабораций над реальными, уменьшение весовой доли человека в структуре себестоимости при производстве материальных благ при увеличении аналогичной доли в создании объектов интеллектуальной собственности, существенное возрастание количества компе-

тенций у каждого отдельного члена общества при сокращении цикла жизни каждой компетенции в целом (Эволюция общества ... , 2022: 31).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, надо еще раз подчеркнуть, что техника, представленная в виде ИИ, продолжая оставаться коммуникативным средством общения людей, приобрела принципиально новые и очень важные свойства, внедряясь в глубочайшие структуры бытия и мышления, определяя конфигурацию сообществ людей и персональную идентичность человека, стала квазисубъектом исторического процесса. Это серьезный вызов современной эпохи. Под вопросом оказывается сама субъектность человека как деятеля, которая была незыблемой на протяжении тысячелетий. Остается надеяться, что приставка «квази» сохранится как можно дольше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта позиция выявляет родство техники и наук о природе. Техника считается приложением науки, а законы природы диктуют человеку законы его деятельности посредством техники.

[2] Согласно этой позиции, техника есть продолжение и развитие сперва органов человеческого тела и затем и органов коллективного тела, понимаемого как мегамашина.

[3] Социальную сущность техники усматривают в системообразующей роли техники в общественном организме как противостояние общества и природы, как детерминанты социальной стратификации и создания искусственной среды.

[4] «Наблюдается отставание человечества в осмыслении и оценке всего комплекса социогуманитарного воздействия технологий ИИ на человека, общество и биосферу; без доказательного анализа такого воздействия разрабатывать моральные регуляторы для техники и конструировать ИМА представляется затруднительным» (Игнатьев, 2024: 90).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев, А. И. (2021) Ойкумена искусственного // Экономические стратегии. Т. 3. № 4 (178). С. 1–5.

Войцехович, В. Э. (2024) Существует ли творчество ИИ — главный вопрос философии ИИ // Философия и культура информационного общества. Тезисы докл. Двенадцатой Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения. С. 59–61.

Воронин, А. А. (2006) Миф техники. М. : Наука. 200 с.

Воронин, А. А. (2020) Техника 1-2-3 // Философия науки и техники. Т. 25. № 1. С. 96–109.

Воронин, А. А. (2018) Об исторических основаниях техники и мышления // Мир психологии. № 4 (96). Октябрь — декабрь.

Георгиу, Т. С. (2022) Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 1. С. 68–75.

Гринфилд, А. (2018) Радикальные технологии: устройства повседневной жизни. М. : Дело. 424 с.

Игнатьев, А. Г. (2024) Этика и проблемы искусственного интеллекта // Этическая мысль. Т. 24. № 1. С. 87–100.

Ильин, А. С. (2025) ИИ-революция как качественно новый тип технологической трансформации в истории цивилизации // Социально-гуманитарные знания. № 8. С. 241–251.

Мамфорд, Л. (2001) Миф машины. Техника и развитие человечества. М. : Логос. 408 с.

Уэмура, Н. (2017) Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегия. № 4. С. 122–131.

Эволюция общества в свете философии техники (2022) / А. Ю. Нестеров, А. В. Дорошин, А. В. Никоноров [и др.] // Философские науки. Т. 65. № 2. С. 7–32.

Энгельгардт, М. А. (1899) Прогресс как эволюция жестокости // [Соч.] М. А. Энгельгардта. Санкт-Петербург : Изд. Ф. Павленкова. 209 с.

Kapp, E. (1877) Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig : George Westermann. 360 p.

Дата поступления: 02.08.2026 г.

CHANGES IN THE COMMUNICATIVE ROLE OF TECHNOLOGY

A. A. Voronin
RAS Institute of Philosophy

The paper provides an idea about the changing role of technology in the life of human and society, which is associated with artificial intelligence and the digitalization of communicative systems. The aim of the research is to show that the development of technology should be considered not as linear evolution but as a language of communication among people that changes forms of relations and value orientations. The historical context of these changes is the change of civilizational epochs based on the use of "materia prima": consequently, first natural matter, then — power, later — information. Technology is interpreted as a cultural element, to be more exact — as a communicative strategy, ensuring the exchange of activity, mental content, and social relations. In the bundle "human — technology" the latter had the role of the object of activity up to the current stage of operating bio- and neuroprocesses, when artificial intelligence and technology based on it acquire fundamentally new, subjective functions. Using the example of the evolution of armaments, the gradual change of the relations "subjectivity — objectness" of human and technology is illustrated. The communicative dualism has disintegrated; the third link appears — the digital sphere, belonging both to the world of technology and to the world of human. In this sphere, potentials are identified that are dangerous to the entire structure of the tripartite communication. Problems arise regarding control over AI, ensuring transparency and accountability of digital systems. The problem of developing the metaphysics of the digital era is being posed, considering the humanistic interests and needs of human, his value-oriented, teleological perspectives.

Keywords: technology; communication; human; language; armaments; subject; object; digit; artificial and natural intelligence; metaphysics

REFERENCES

Ageev, A. I. (2021) Ojkumena iskusstvennogo. *E`konomicheskie strategii*, vol. 3, no. 4 (178), pp. 1–5.

Vojcexovich, V. E. (2024) Sushhestvuet li tvorchestvo II — glavny`j vopros filosofii II. *Filosofiya i kul`tura informacionnogo obshhestva*. Tezisy` dokl. Dvenadczatoj Mezhdun. nauch-prakt. konf. St. Petersburg. Pp. 59–61.

Voronin, A. A. (2006) *Mif texniki*. Moscow, Nauka. 200 p.

Voronin, A. A. (2020) Texnika 1-2-3. *Filosofiya nauki i texniki*, vol. 25, no. 1, pp. 96–109.

Voronin, A. A. (2018) Ob istoricheskix osnovaniyax texniki i my`shleniya. *Mir psixologii*, no. 4 (96) Oktyabr`—dekabr`.

Georgiou, T. (2022) Filosofiya avtomatizacii i iskusstvennogo intellekta: ot mifologicheskogo Talosa do budushhix kiborgov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 68–75.

Greenfield, A. (2018) *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*. Moscow, Delo. 424 p.

Ignat`ev, A. G. (2024) E`tika i problemy` iskusstvennogo intellekta. *E`ticheskaya my`sl`*, vol. 24, no. 1, pp. 87–100.

Il`in, A. P. (2025) II-revolyuciya kak kachestvenno novy`j tip texnologicheskoj transformacii v istorii civilizacii. *Social`no-gumanitarny`e znaniya*, no. 8, pp. 241–251.

Mumford, L. (2001) *The Myth of the Machine: Technics and Human Development*. Moscow, Logos. 408 p.

Ue`mura, N. (2017) Obshhestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric. *E`konomicheskie strategiya,* no. 4, p. 122–131.

E`volyuciya obshhestva v svete filosofii texniki (2022) / A. Yu. Nesterov, A. V. Doroshin, A. V. Nikonorov [et al.]. *Filosofskie nauki*, vol. 65, no. 2, pp. 7–32.

E`ngel`gardt, M. A. (1899) Progress kak e`volyuciya zhestokosti. *[Soch.] M.A. E`ngel`gardta.* Sankt-Peterburg, F. Pavlenkov Publ. House. 209 p.

Kapp, E. (1877). *Grundlinien einer Philosophie der Technik.* Braunschweig, George Westermann. 360 p.

Submission date: 02.08.2026.

Воронин Андрей Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: 8 (495) 697-90-67. Эл. адрес: bioethics@list.ru

Voronin Andrey Alekseyevich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: 8 (495) 697-90-67. E-mail: bioethics@list.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.6

Живой мир и цифровые технологии в призме человекоразмерности

Е. И. Ярославцева

Институт философии РАН

В статье поставлена проблема формирования адекватного научного подхода к пониманию современных стремительно развивающихся кибертехнологий. Показано, что они требуют применения междисциплинарного человекоразмерного подхода, который опирается на новейший принцип отечественного философско-гуманитарного исследования — постнеклассический тип рациональности (В. С. Степин). Исследуется, как кибернетика, известная и широко используемая в производстве еще с советских времен, постепенно обогатилась методами информационно-цифровых коммуникаций, сетями и устройствами, которые интенсивно вовлекают человека в новые практики общения, влияющие как на понимание мира, так и на жизненные перспективы. Это порождает новые вызовы: живой мир оказывается в оболочке программно-цифрового кода, а индивид — в киберимитации. В этом контексте социально значимым фактором стала социогуманитарная экспертиза, в поле зрения которой – индивидуальное здоровье человека, баланс аналоговых и цифровых устройств и сред, разработка принципов безопасности сетевых ИИ-технологий. Критически важны безопасные технологии в сфере образования.

Ключевые слова: постнеклассическая наука; методология человекоразмерности; аутопоэзис; ресурсы человеческого интеллекта; благо/риски; электронные цифровые устройства; сетевые имитации; социогуманитарная экспертиза